

Деталь ворот ограды Летнего сада

Начать этот очерк было бы, пожалуй, самым справедливым, как у Н. В. Тоголя в его знаменитом «Невском проспекте», воскликнув: «Нет ничего лучше Летнего сада!». Он олицетворял красоту и одухотворенность Петербурга, он — его душа. Он отражал все стороны Петербурга, от поэтических, интимных до высоко гражданских, трагических и эпических.

*Я к розам хочу в тот единственный сад,
Где лучшая в мире стоит из оград,
Где статуи помнят меня молодой,
А я их под невшкою помню водою,* —

писала Анна Ахматова. В годы Великой Отечественной войны — о статуе Летнего сада «Ночь», как о живом, родном, самом близком:

Ноченька!

.....

Доченька!

Как мы тебя укрывали

Свежей садовой землей.

Создавался Летний сад более чем за 200 лет до этих замечательных поэтических строчек. Замыслил его неутомимый Петр I, охочий до всего нового. Ему виделся сад, подобный чуду. Еще в 1704 году он писал в Москву: «...всяких цветов из Измайлова не по малу, а больше тех, кои пахнут, прислать в садовники в Питербурх»¹. В 1717 году, отправившись в Европу, Петр много внимания уделял Версалию и «версальскому огороду», где для него «пущены были все фонтаны и прочие игровые воды...».

Двадцать с лишним лет непрерывно заботился Петр о саде.

Много хлопот доставляло приобретение для сада мраморных статуй. Необычна история мраморной Венеры. Изваянная в Древнем Риме по греческому оригиналу III века до н.э., она очень понравилась агенту Петра в Риме Кологривову, который так охарактеризовал ее в письме: «Венус римский, девка мраморовая». Однако папа римский запретил вывозить эту скульптуру.

Кологривов прислал депешу: «Как могу хорошею от известного охотника»². Петр понял и направил в помощь одного из самых тонких дипломатов, Савву Рагузинского; тот предложил папе в обмен на обнаженную «девку» мощи Святой Бригитты, особенно почитаемой католической церковью. От такого подарка папа не мог отказаться, и разрешение было дано.

Чтобы не разбилась по дороге «госпожа Венус», царь сделал распоряжение: «Повелеваем отправить оную до Инзурка на мулах в качалке, оттуда Дунаем до Вены, где препоручить Ягужинскому, чтоб он сделал для сего карету на пружинах и отправил бы водою до Кракова». Так с превеликими предостережениями Венера была доставлена в Летний сад.

Не меньше заботился Петр о планировке сада. Сохранилось несколько планов сада: Я. Розена (1714), Ж. Леблона (1714), М. Земцова (1723),

Летний сад — душа Петербурга

Н. А. Нарышкина

а также собственный чертеж Петра (1716). Петр любил говорить, что прямые аллеи парка, подстриженные деревья, «водные куншты» и мраморные статуи «зело первейшим монархам приличествуют».

Часть теперешнего Летнего сада и Марсова поля представляла собой тогда низину, поросшую чахлым кустом.

Ограда Летнего сада

тарником. Чтобы ее осушить, прорыли каналы. Работы были грандиозные, но Петр лично следил за их ходом, и они были выполнены.

Попадали в Летний сад прямо с лодок, по ступенькам галерей. Галерей было три. Две боковые — золоченые. Центральная — «на столбах российского мрамора», пол в ней был выстлан черными и белыми плитами. Центральную галерею украшала мраморная «госпожа Венус». Ее охранял часовой в мундире Преображенского полка с алебардой.

На главной аллее, шедшей от «Венериной галереи», один за другим высоко выбрасывали переливающиеся серебром струи фонтаны. Вода подавалась из реки Лиговки к бассейну, устроенному на улице, получившей название Бассейная. Оттуда по свинцовым трубам вода шла к башням, где ее поднимали колесной машиной.

Возле первого фонтана из белого мрамора разбили Царицыну, или Дамскую, площадку. Возле второго — восьмиугольную Шкиперскую площадку, где Петр обычно сидел с приезжими иностранцами.

В пруду плавали редкие рыбы и маленький кораблик, на котором катался карлик-шут. На крыше птичника в форме китайской пагоды сверкал флюгер — золотой дракон. Несколько дальше — фонтан, украшенный золочеными вазами. Блеск золота, отраженный в воде и мраморе, придавал саду даже в пасмурный день подобие сверкавшего волшебного чуда.

На берегу Фонтанки, на месте нынешнего Кофейного домика, построенного архитектором Карлом Росси, был воздвигнут Грот — павильон с высоким куполом и золочеными статуями по краям крыши. Его стены и колонны были выложены камешками и раковинами. «Для убирания» Грота раковины выписывались из Голландии и Италии. В центре Грота возвышался бог морей Нептун. Его фигура, так же как и фигуры остальных четырех фонтанов, горела золотом.

В саду журчала вода фонтанов; в «Вольере» щебетали птички. А в Гроте, как только начинала бить вода фонтанов, из скрытого водяного органа слышалась нежная мелодия.

По саду разносились тончайшие ароматы цветов. Ради искусства «Parfum» цветы и деревья выписывали из всех стран Европы: тюльпаны — из Голландии, розы — из Дании, белые лилии — из Нарвы, из Швеции присылали яблони. Среди клумб час-

то «плыли» изящные фарфоровые кораблики.

По мосту, перекинутому через Лебяжий канал и скрывавшему фонтан-шутиху, гости попадали во второй Летний сад, который славился сложным лабиринтом и фонтанами на темы басен Эзопа. Любопытные сведения приводил один из современников, Якоб Штелин. Как-то раз Петр сказал садовнику: «Я желал бы, чтобы люди, которые будут гулять здесь, в саду, находили в нем что-нибудь поучительное, как же нам это сделать?». «Я не знаю, как это сделать, — отвечал садовник, — разве Ваше Величество прикажет разложить по местам книги, прикрывши их от дождя, чтобы гуляющие могли их читать?». Государь рассмеялся в ответ: «Ты почти угадал; однако... моя выдумка лучше. Я думаю поместить здесь изображение эзоповских басен»³.

Возле входа в лабиринт стояла позолоченная статуя горбатого Эзопа. На каждом повороте дорожек, в нишах зеленых шпалер, в боскетах — скульптурные группы, изображавшие

персонажей эзоповских басен: «Лисица с петухом»; «Орел, лягушка дамышь»; «При павлине два соловья»; «Змей наковальню грызет» и т.д. Описание этих фонтанов таково: «Оные звери» по большей части были сделаны «в природную величину, вылиты из позолоченного олова и в рассуждении своего положения мечут воду». Рядом с фигурами в рамках за стеклом был помещен текст басен с толкованием, составленным Петром.

Прямые аллеи вели к фигурному пруду, где разводили карпов для царского стола, его название Карпиев пруд. Он сохранился до наших дней, и в нем по-прежнему плавают лебеди.

*И лебедь, как прежде,
плывет сквозь века,*

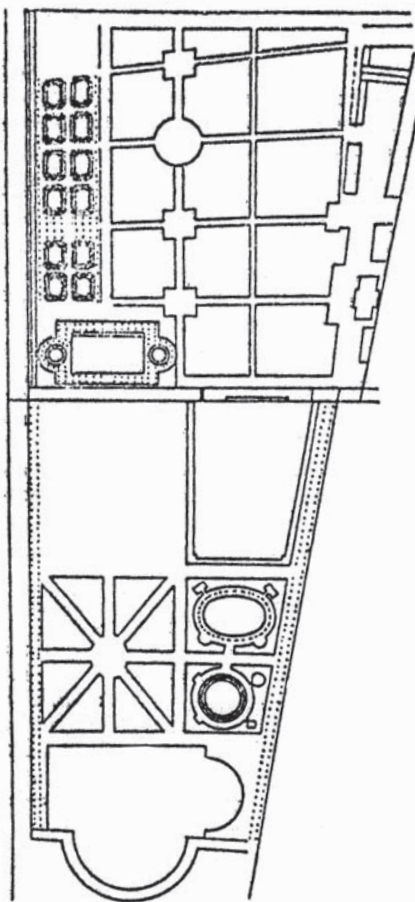
Любуясь красой своего двойника.

Дальше, на месте Михайловского замка, разбили еще один сад — «сад с маленькой речкой». На его территории тоже был и дворец, пруд, лабиринт, а также беседка в кроне огромного дерева.

Гости подъезжали по Неве на яликах и галерах. Их встречала музыка рогового оркестра. Гулянья Петр превращал в школу образования и воспитания. В «Венериной галерее» шли танцы, одеты все были по европейской моде, при встрече снимали шляпы.

В 1712 году от апреля 17-го государь «перешел в Летний дом на житье». Сильно заболоченная приневская земля делала наиболее удобным сообщением по воде. Поэтому возле зданий сооружались маленькие гавани, или «гаванцы», как их тогда называли. У Летнего дворца был такой «гаванец».

Летний дворец — одно из ранних дворцовых сооружений Петербурга. В его облике отразились характерные особенности петербургского, петровского барокко, свойственная ему четкость планировки и мелкая застекловка окон. Создание архитектурного образа петровского дворца — уютного домика, прячущегося в густой зелени парка и в то же время высветленного со стороны двух рек и отраженного в них, принято связывать с именем Доменико Трезини, первого «архитекта» города, а также с именем талантливого мастера Андреаса Шлютера. Облик дворца не сопоставлялся с архитектурой северного соседа России — Дании, а тем не менее именно с Дании Петр начал свое знаменитое путешествие по Европе 1717 года. Двух-, трехэтажные дома датских горо-
родов, словно выросшие из воды и в

План Летнего сада.
Копия чертежа Петра I 1716 г.

Ворота Летнего сада. Слева — часовня. Фото К. К. Буллы. 1890-е гг. Инв. ЭРФт-85

то же время сохранившие уютный и какой-то обжитой, радостный вид, не могли не привлечь Петра.

Недалеко от дворца в саду стояла мраморная группа, посвященная Ништадтскому миру. Некоторая вычурность жестов беломраморных фигур и четкий силуэт всей композиции делали ее «читаемой» как из комнат дворца, так и из далеких перспектив зеленых аллей и, что не менее

важно, — с водных поверхностей Невы и Безымянного Ярика — реки, которая свое современное название — Фонтанка — получила благодаря фонтанам Летнего сада. Скульптурная группа, известная под названием «Мир и изобилие», была выполнена итальянским скульптором П. Баратта. Россия представлялась в виде молодой женщины, державшей в правой руке опрокинутый факел (символ оконча-

ния войны), а в левой руке — рог изобилия. Рядом с Россией — крылатая богиня победы Ника. Летний сад был наполнен мраморными скульптурами XVII — начала XVIII века работы известных итальянских мастеров П. Баратта, Д. и П. Гроппелли, Ф. Кабианка, Д. Зорзони и других.

В литературе о Летнем саду акцент делался на сюжетах, прославлявших победу России над Швецией. Однако богатейший «материал» самого искусства, расцветшего в Летнем саду и в Летнем дворце Петра, позволяет расширить эту позицию. В числе первых мраморных бюстов, украсивших сад, был портрет шведской королевы Христины. Современный шведский историк Бенгт Янгфельд в статье «Граф Готландский посещает Санкт-Петербург» пишет: «Король был польщен приемом, оказанным ему в Академии наук, где он, в частности, мог полюбоваться несколькими бюстами выдающихся шведов: королевы Кристины, Линнея и химика Валериуса»⁴. Таким образом, появление бюста шведской королевы Христины в Летнем саду получает совсем иное звучание. А скульптурную группу Летнего сада «Амур и Психея» можно было тогда трактовать так: две державы — Россия и Швеция — увидели друг друга в свете мира и полюбили друг друга.

Алея Летнего сада

В 1833 году в саду возле Карпиева пруда появилась ваза из розового эльфдальского порфира — подарок шведского короля. Сделанная по образцу античной, найденной при раскопках древней Помпеи, строгая и величавая, она достигает вместе с темно-красным порфировым постаментом пятиметровой высоты.

Тема мирных преобразований, мореплавания и культуры проходит также и через Летний дворец. В его приемной висят, как и 300 лет назад, портреты сподвижников Петра. В кабинете много книг; библиотека, насчитывавшая 255 томов, послужила основой для создания первой общественной библиотеки в России. В токарне Петр занимался своим любимым ремеслом. Заведовал токарней талантливый механик Андрей Нартов. На стенах токарни — изображения кораблей, выполненные голландским художником Адамом Сило. Петр приобретал эти картины как учебные пособия при изучении вопросов кораблестроения.

Танцевальную комнату дворца украшают старинные зеркала в резных рамах палисандрового дерева русской работы. Зеркала были новинкой, они только появились в убранстве российского интерьера. В таких залах с зеркалами нередко проводились ассамблеи. Указом Петра определялись даже те дома, в которых проводились ассамблеи. Указ этот дополнялся изданием специальной книги «Юности честное зерцало», которая сообщала, как и в каких случаях надобно себя вести. Несмотря на архаичность звучания, многие из «правил» не утратили своей актуальности: «Не хватая первым блюдом»; «Не сопи, когда ешь»; «Над яствами не чавкай»; «Не проглотя куска, не говори, ибо так делают крестьяне...».

Каждый зал Летнего дворца — целый этап петровской системы просвещения. В Зеленом кабинете дворца полностью сохранилась первоначальная отделка. В стены, украшенные живописью по дереву и пилястрами с резными золочеными капителями, вделаны шкафы, в которых хранились коллекции редкостей, собиравшихся по всей России. «Диковинки» эти легли в основу Кунсткамеры, первого русского музея, учрежденного в Петербурге указом Петра I.

Таким образом, «хорошие манеры» шли рука об руку с всевозможными кунштами (искусствами), ремеслами и образованием.

На стенах различных комнат Летнего дворца висят портреты членов се-

Ограда Летнего сада. Фрагмент. Арх. Ю. Фельтен и П. Егоров

мьи Петра: его жены Екатерины I, рано умершего сына Петра Петровича, Шишечки, как его любовно называли в семье, в также сестры Петра I Натальи Алексеевны. Горячая поклонница театра, Наталья Алексеевна создала в 1714 году первый общественный театр в Петербурге, доказав тем самым, что русская женщина может служить своему Отечеству и его культуре.

Театр, ассамблеи, библиотека, коллекция «кунштов» в Летнем саду должны были, по мысли Петра, прививать людям новые — европейские — формы общения. Просвещение он считал одной из важнейших забот и никогда не жалел на него денег.

Летний сад стал образцом архитектурного, или регулярного, садового паркового искусства, получившего распространение в Европе. Со всей строгостью требовал Петр «бережения дерев». Когда в березовой роще (на месте нынешнего Гостиного двора) стали рубить деревья на дрова, царь велел ловить «порубщиков»: «Таких

винных людей всякого чина не одно сто нашлось», из них «по жребию» каждого десятого присудили к смертной казни через повешение. Но затем их всех выпороли на «невской дороге» (проспекте) «для науки» и отпустили. Порубщиков в столице больше не находилось.

В Летнем саду кроме крестьян из приписанных к царскому саду деревень постоянно работали два мастера, два садовника, семь огородников, шесть возчиков, 19 садовых рабочих и семь учеников, которые изучали «садовую теорию». Отечественная школа паркостроения, зародившаяся в Летнем саду, не раз пригождалась впоследствии при создании дворцово-парковых ансамблей под Петербургом.

Статуи Летнего сада, скульптурные группы, бюсты, купленные по заказу Петра в Италии, превращали Летний сад в уникальный музей скульптуры. Фонтаны же Летнего сада погибли во время наводнения 1777 года; только при недавних рес-

таврационных работах были обнаружены их основания.

В последний год своей жизни Петр I стал очевидцем одного из самых страшных наводнений. Всю ночь, стоя по пояс в ледяной воде, спасал людей. Подъехал к Летнему саду — галерея была полуразрушена, но Венера уцелела. В подозрную трубу Петр увидел возле нее человека. Солдат, охранявший статую, не покинул своего поста. Настигнутый поднимающейся водой, ооченев от холода и усталости, он стойко разделял с Венерой ее участь.

Статую после смерти Петра поместили в Грот Летнего сада, в 1860 году — в Таврический дворец, а оттуда в 1880 году — в Эрмитаж, где она стоит сейчас в залах античного искусства, называясь «Венера Таврическая». Это самая прославленная статуя Эрмитажа и «первая античная статуя, привезенная в Россию. С нее ведет начало коллекция греческой и римской скульптуры, хранящейся ныне в музеях страны»⁵.

Во второй половине XVIII века, когда Петра I уже давно не было в живых, в жизни Летнего сада произошло еще одно крупное событие: со стороны Невы он был обнесен решеткой по проекту архитекторов Ю. Фельтена и П. Егорова. Она прославилась далеко за пределами Петербурга: своей простотой и в то же время изяществом, легкостью чугунных букетов роз, свисающих из ваз, сочетанием ажурности с монументальностью. Чугун был отлит на Тульском заводе, известном художественным литьем, верхние части решетки вызолочены червонным золотом из монет.

Знаток Петербурга еще в XIX веке рассказывали легенду: однажды туманным петербургским утром возле Летнего сада причалила ладья. Из нее вышел иноземец в широкополой шляпе. Он медленно двинулся вдоль ограды, явно любясь. Навстречу ему из ворот сада шел молодой петербуржец... Иноземец объяснил, что ему посчастливилось увидеть все чудеса света, не видел он лишь знаменитую решетку Летнего сада. Он не

может закончить жизнь, так и не увидев этого чуда. Ограда прекрасна! Она сделана из гранита и чугуна и так воздушна! Он сравнил ее с фугами Баха: та же чистота и возвышенность звучания. Тем, кто выбрал ее местоположение, руководил сам Бог! Много великолепных оград знает Европа, но такого завораживающего впечатления не производит ни одна из них. Здесь же, из сада, сквозь ограду виден простор Невы, а с набережной сквозь музыку чугунных кружев ограды видны тенистые аллеи и игра солнечных бликов на мраморных статуях. И второе — пропорции. Мера — вот тайна великого искусства. Два чудака, встретившись ранним утром у решетки Летнего сада, стали духовно близкими друг другу. Один из них — писатель Гончаров, другой — писатель Стивенсон. Замечательная история!⁶ Но ее не было. Даты жизни Гончарова и Стивенсона не оставляют нам надежды — эти две романтические души не могли «пересечься» в то время.

Однако в Петербурге есть еще одна «решетка Летнего сада». Почему никто не торопится полюбоваться ею? Да потому, что в ней отсутствует то, что так точно подметил иноземец. Она затиснута строениями, и нет вокруг нее простора. Речь идет об ограде в Петропавловской крепости, которая находится в непосредственном «контакте» с Петропавловским собором. И даже многие сотрудники крепости-музея, ежедневно проходящие мимо нее, не сразу скажут, где находится решетка такая же, как в Летнем саду. Кроме того, в каждом пролете между гранитными колоннами на два звена меньше, чем в ограде Летнего сада. Все то же и не то. Вот что значит в искусстве пропорция...

Тысячи людей восхищаются оградой Летнего сада и приходят на поклон таланту ее авторов, и мы с вами, «любезный мой читатель», как писал А. С. Пушкин, среди них. Приходили до нас, будут приходиться и после нас.

Еще мальчиком Пушкин любил гулять здесь, где некогда бывал и его прадед — «арап Петра Великого».

В 1833–1834 годах Пушкин жил рядом с Летним садом: «Летний сад —

мой огород, — писал он. — Я, вставши ото сна, иду туда в халате и туфлях. После обеда сплю в нем, читаю и пишу. Я в нем дома».

Его воображением владел образ великого основателя города на Неве и Летнего сада; он заканчивал «Медный всадник», напряженно работал над «Историей Петра Великого», которая была высоко оценена в Европе. Ее называли во Франции «удивительной книгой», ибо в ней «взгляды Пушкина на основание Петербурга были совершенно новы» и обнаруживали в нем «великого глубокого историка»⁷.

Летнему саду посвящали свои строки П. Вяземский, Д. Мережковский, А. Ахматова, Вс. Рождественский, А. Решетов, В. Торчинский, Вс. Азаров.

С Летнего сада началась творческая судьба украинского поэта Тараса Шевченко. Туда, еще будучи казачком у графа Энгельгардта, в белые ночи он бегал делать зарисовки со светящихся в призрачном воздухе мраморных фигур. Летний сад «благословил» Тараса: он был выкуплен из неволи с помощью Брюллова, Жуковского и Виельгорского, стал учиться в Петербургской академии художеств⁸.

В Летнем саду часто бывали и очень его любили И. Гончаров, Д. Григорович, А. Куприн, В. Маяковский и многие, многие другие.

В конце 1930-х годов по городу пошел слух, что в Летний сад ночью стал захаживать первый генерал-губернатор Северной Пальмиры Александр Данилович Меншиков в костюме петровского времени, да так и было — известный артист Н. Симонов во время съемок фильма «Петр I» таким образом «вживался в образ»⁹.

Тонко чувствовал «исторический воздух» сада П. И. Чайковский. Свою любимую оперу «Пиковая дама» он начал сценой в Летнем саду.

А ныне в Летнем саду открылся цикл воскресных концертов. Выступления музыкантов продолжают сегодня традицию живой музыки в аллеях этого «бессмертного подарка», сделанного Петром I.

¹ Цит. по кн.: Татарская Г. М. Летний сад. Л., 1982. С. 4.

² Кузнецова О. Н., Сементовская А. К., Штейман Ш. И. Летний сад. Летний дворец. Домик Петра I. Л., 1960. С. 12.

³ Синдаловский Н. А. Петербург. От дома к дому... от легенды к легенде. Путеводитель. СПб., 2000. С. 136.

⁴ Янгфельд Бенгт. Граф Готландский посещает Санкт-Петербург // Шведы на берегах Невы. Стокгольм, 1998. С. 66.

⁵ Шапирл Ю. Г. Эрмитаж. Путеводитель по выставкам и залам. Л., 1987. С. 29.

⁶ Успенский В. У Летнего сада // Петербургские зодчие. Л., 1948. С. 80.

⁷ Нарышкина Н. А. Наш Пушкин. СПб., 2000. С. 31.

⁸ Нарышкина Н. А. Т. Г. Шевченко и художественная культура Петербурга // Санкт-Петербург. Культура и традиция. СПб., 1995. С. 82.

⁹ Аренин Э. Наш знакомый Летний сад // Смена. 1974. 29 сент. № 229.